

Шэнь Цинчи прикрыл рукой голову, которую только что погладили, и с некоторым удивлением посмотрел на Шэнь Фана.

Что происходит?

Шэнь Фан что, отбросил свои подозрения насчёт него?

Этого не должно быть. Судя по осторожности Шэнь Фана, основываясь всего на двух сообщениях, он никак не мог полностью избавиться от сомнений.

Он украдкой покосился на мужчину. Шэнь Фан выглядел вполне довольным. Всю дорогу ведя машину обратно до жилого комплекса Бихай Хуатин, при парковке он, казалось, забыл, что его рука всё еще болит, и дёрнул ручник правой рукой, отчего на мгновение поморщился и слегка потряс запястьем. Только после этого он бросил Шэнь Цинчи:

— Вылазь.

Шэнь Цинчи отвёл взгляд от его руки, послушно вышел из машины и из гаража поднялся в квартиру.

Едва переступив порог, Шэнь Фан тут же произнёс:

— Доставай то, что у тебя в сумке.

Шэнь Цинчи замер:

— А?

Что ещё доставать?

Кроме одежды и предметов первой необходимости, у него в сумке ничего не было. Зачем их вытаскивать? Устраивать ручной досмотр?

Заметив его озадаченный вид, Шэнь Фан добавил:

— В боковых карманах.

В полном недоумении Шэнь Цинчи сунул руки в оба боковых кармана и поочерёдно пошарил там, после чего с восклицанием «а» вытащил какой-то предмет.

— Что это? Пуговица?

— Не пуговица, — Шэнь Фан направился в гостиную. — Жучок.

Шэнь Цинчи: «.....»

Он так и знал, что Шэнь Фана не так-то просто обмануть.

Тот действительно тайком засунул в его сумку жучок! Выходит, весь разговор и ссору с родителями Шэнь Фан слышал от начала и до конца?

Тогда...

— Не вини меня за такие методы. Как-никак, ты сын Шэнь Цзина, я должен быть начеку, — бросил Шэнь Фан, направляясь в кабинет. Вернулся он уже с небольшой коробочкой в руках. Положив её на журнальный столик, он открыл её ключом.

Шэнь Цинчи заглянул внутрь и с изумлением обнаружил, что коробочка доверху набита прослушивающими и записывающими устройствами: здесь были всевозможные миниатюрные жучки и камеры-обскуры — с проводками и без, но все до единого исключительно маскировочные и миниатюрные.

Шок на лице Шэнь Цинчи был виден невооруженным глазом. Не веря своим глазам, он уставился на всё это добро и оцепенело произнёс:

— Дядя...

— Всё это твой отец когда-то использовал против меня, — Шэнь Фан зачерпнул горсть устройств из коробки и тут же разжал пальцы, позволяя им соскользнуть обратно. — В моих карманах, в машине, в офисе, у дверей моего дома, в любимом караоке и даже в телефоне с компьютером — куда ни кинь взгляд, эта дрянь была везде.

Шэнь Цинчи аж передёрнуло. Ему показалось, что по коже побежали мурашки, словно за ним наблюдали бесчисленные скрытые в темноте глаза. Не удержавшись, он потёр плечи:

— Надеюсь, он и мне в вещи жучок не засунул?

— Нет, до этого не дошло. Когда я шёл за тобой, я не сводил с него глаз, и возможности повозиться у него не было, — ответил Шэнь Фан. — К тому же в последние годы он следил за мной всё реже. Мой дом — абсолютно безопасное место, можешь расслабиться.

Шэнь Цинчи с облегчением выдохнул и тут же спросил:

— А раньше... зачем он с тобой так поступал?

— Ты до сих пор не понял? Неужели ты и вправду думаешь, что твой отец относился к тебе по-доброму? — Уголки губ Шэнь Фана изогнулись в холодной усмешке. — Знаешь, как погибли твои второй и третий дяди?

Шэнь Цинчи сглотнул слюну:

— Я... я не знаю.

В романе упоминалось лишь то, что двое младших братьев Шэнь Цина пали от его руки, но никаких подробностей не приводилось.

Шэнь Фан откинулся на спинку дивана и потёр костяшками пальцев нижнюю губу:

— Твой второй дядя был эрудированным профессором, и его единственной страстью было чтение. Шэнь Фан регулярно присылал ему книги по его вкусу, но на страницы каждой из них наносилась определённая доза тяжёлых металлов. Через кожу и дыхательные пути эта дрянь проникала в организм, накапливалась годами, и в конце концов второй дядя умер от осложнений, вызванных отравлением тяжёлыми металлами.

Лицо Шэнь Цинчи стало ещё бледнее.

— Твой третий дядя увлекался автогонками, поэтому Шэнь Фан подстроил всё так, чтобы во время соревнований тот попал в аварию и сгорел вместе с машиной. — Шэнь Фан внимательно следил за реакцией собеседника. — А теперь угадай, каков был мотив твоего отца?

Шэнь Цинчи задрожал всем телом, судорожно сжимая в пальцах жучок в виде пуговица:

— Они... они хотели отобрать семейное наследство?

— На самом деле нет, — покачал головой Шэнь Фан. — Просто второй дядя был слишком умён — пускай весь его ум и уходил в научные изыскания, а до семейного бизнеса ему не было никакого дела. А третий... просто вспыльчивый характер: из-за разногласий он несколько раз ругался с Шэнь Цзином, к тому же в гоночной команде у него было много друзей и полезных связей.

Если обобщить, твой отец счёл, что они «потенциально» могли представлять для него угрозу.

Шэнь Фан взял с журнального столика пачку сигарет, вытащил одну и зажал зубами.

Лицо Шэнь Цинчи побелело до жути. Лишь спустя долгие секунды он с трудом выдавил из себя:

— Он... мне не отец.

И правда, поговорка яблоко от яблони недалеко падает верна на все сто.

Шэнь Цзин и Чжоу Ванъянь — отец и сын, на обоих висят человеческие жизни. Как говорится, кровь не водица.

Вот уж поистине типичный цветастый абсурд дешёвого романа.

Мировоззрение Шэнь Цинчи снова перевернулось с ног на голову. Он подумал, что если когда-нибудь и умрёт в этом мире из романа, то исключительно от какого-нибудь невероятного испанского стыда.

— И слава богу, — Шэнь Фан развёл руки. — Давай сюда.

Шэнь Цинчи протянул ему зажатый в пальцах жучок. Шэнь Фан взял его и бросил прямо в стеклянный стакан. Устройство пошло ко дну, пустило пару пузырей и мгновенно вышло из строя.

Глядя на испорченный жучок, Шэнь Цинчи крепко сжал пальцы и тихо произнёс:

— Дядя, ты не мог бы помочь мне найти моих настоящих родителей?

Шэнь Фан поднял голову, и зажатая в зубах сигарета закачалась при разговоре:

— Два года назад, когда ты узнал, что не являешься родным сыном клана Шэнь, почему не занялся поиском?

— Я просил Шэнь Цина помочь, и он согласился. Сказал, что когда найдёт их, позволит мне самому решать, оставаться или уйти, а до тех пор продолжит признавать меня своим сыном. Но прошло уже два года, а от него ни слуху ни духу.

Голос Шэнь Цинчи слегка задрожал:

— У меня есть подозрение, что он и не думал никого искать и никогда не собирался отпускать меня. Более того, они притащили Чжоу Ванъяня тайком, в последнее время следили за мной по

пятам, да еще и забрали моё извещение о зачислении... Я ума не приложу, чего они добиваются.

— А я-то думал, ты давно всё понял, — Шэнь Фан взял со стола зажигалку, затянулся, чтобы раскурить сигарету, но, подпалив её, сразу положил в пепельницу. — Очевидно же. Подмена ребёнка шестнадцать лет назад — огромный скандал для них. Ты, Шэнь Цинчи, круглый отличник, а Чжоу Ванъянь — пустой и непутёвый уличный хулиган. Даже если дать ему пересдавать экзамены ещё десять лет, он всё равно не поступит в Цинский университет.

— Так как же гарантировать, что сын и родной, и толковый? Лучший способ — заставить его просто занять твоё место. Чжоу Ванъянь превращается в Шэнь Цинчи и отправляется в университет по чужому извещению. Ну а настоящий Шэнь Цинчи? Разумеется, лучше всего, чтобы он просто исчез раз и навсегда.

Шэнь Цинчи недоверчиво вытаращил глаза:

— Ты хочешь сказать...

— Разве ты не к тому же пришёл, когда обратился ко мне за помощью? Похоже, ты не так глуп, как я думал, но и не так умён. — Шэнь Фан взял в руки пепельницу. — Отнеси-ка это на балкон, да не забудь прикрыть за собой дверь.

Шэнь Цинчи остолбенел и далеко не сразу протянул руку.

— Что, так сильно любишь пассивное курение? Хочешь, я сам её докурю?

Словно очнувшись ото сна, Шэнь Цинчи поспешно забрал пепельницу и вместе с тлеющей сигаретой унёс её на балкон.

Раз Шэнь Фан поделился с ним подобным, значит, он проникся к нему полным доверием.

То, что он говорил во время ссоры с родителями, Шэнь Фан, скорее всего, попросту не расслышал, иначе его реакция была бы совершенно иной.

Если подумать, сумка с жучком тогда осталась в прихожей у входа, а ссора разворачивалась у дверей его спальни. При таком расстоянии записать удалось бы разве что визгливые вопли Чжу Чжэнцзюань.

Что ж, ему ещё повезло.

Теперь же всё складывалось как нельзя лучше: излишне подозрительный Шэнь Фан больше не подозревает его, а значит, осуществлять дальнейшие планы станет куда проще.

Закрыв балконную дверь и возвратившись в гостиную, Шэнь Цинчи услышал голос Шэнь Фана:

— Насчёт твоих родителей — я буду иметь это в виду, но особо не надейся.

Шэнь Цинчи послушно отозвался:

— Спасибо, дядя.

На самом деле его мало волновало, удастся ли отыскать биологических мать с отцом. Росший в детском доме мальчик никогда не питал никаких иллюзий и несбыточных надежд на счёт самого слова «родители».

Он лишь хотел оставить всё в порядке ради первоначального владельца тела.

Вдруг однажды настоящий Шэнь Цинчи сможет вернуться — парень всё же надеялся, что тот сумеет воссоединиться со своей настоящей семьёй.

— Что хочешь на обед? — поинтересовался Шэнь Фан.

Опомнившись, Шэнь Цинчи ответил:

— Да что угодно, я не привередлив.

Шэнь Фан цыкнул и нахмурился:

— Я спросил, что ты *хочешь* съесть, а не что *можешь*.

— А... — Шэнь Цинчи тут же переиграл: — Хочу кисло-острую лапшу.

— Кисло-острую, значит, — Шэнь Фан задумался и поднялся с места. — Ладно, жди здесь.

Наблюдая за тем, как мужчина направляется на кухню, Шэнь Цинчи внезапно окликнул его:

— Дядя, а твоя... рука больше не болит?

Шэнь Фан замер на полушаге:

— Если я скажу, что болит, ты пойдёшь готовить сам?

Шэнь Цинчи поджал губы.

Вообще-то, он бы не против.

К несчастью, прежний хозяин тела готовить не умел, а выбиваться из образа ОХС не хотелось.

Поэтому он тихо пробормотал:

— Я просто подумал... почему бы тебе не нанять домработницу?

— Не люблю, когда посторонние шастают по моему дому.

Шэнь Цинчи моргнул:

— Выходит, по мнению дяди, я не посторонний?

Шэнь Фан резким движением обернулся к нему.

На лице юноши застыло чистое, искреннее выражение — он казался обычным прилежным учеником, который из простого любопытства задаёт вопросы до победного конца. Его глаза были столь чистыми и ясными, что дно просматривалось насквозь, словно в нём не могло утаиться ни единого тайного помысла.

Взгляд Шэнь Фана задержался на его лице, заподозрив, что он сам накрутил лишнего.

Спустя мгновение мужчина всё же выдавил из себя четыре слова:

— Посмотрим на твоё поведение.

Проводив взглядом спину Шэнь Фана, скрывшуюся на кухне, Шэнь Цинчи сменил невинное и безобидное выражение на хитрое торжество.

А дядя-то оказался на удивление легковерным!

Он помнил, единственным подлинным увлечением Шэнь Фана, упомянутым в романе, была склонность подбирать бездомных животных, в особенности бродячих кошек. Правда, стремясь поддерживать репутацию избалованного мажора, он никогда не оставлял их надолго: стоило больному или раненому зверю окрепнуть и выздороветь, как он тут же пристраивал его в добрые руки.

Раз уж Шэнь Фан в ту грозовую ночь открыл перед ним двери своего дома, не исключено, что и самого парня он подсознательно воспринимал как бесприютное животное.

Шэнь·бездомный·трогательный·Цинчи подобрал свои когти и послушно уселся ждать кормления.

Время перевалило за полдень. Проведя всё утро в интеллектуальных баталиях с Шэнь Цзином, Шэнь Цинчи успел проголодаться, а донёсшийся из кухни аппетитный аромат и вовсе разбудил зверский аппетит.

Наконец посчастливилось услышать голос Шэнь Фана:

— Иди сюда, помогай!

Шэнь Цинчи выставил на стол две тарелки с кисло-острой лапшой, аккуратно разложил палочки и, уставившись на плавающий по поверхности багровый слой масла, так обильно сглотнул слюну, что едва не захлебнулся.

Однако, руководствуясь принципом «притворяться паинькой — так до конца», он наотрез отказался прикасаться к еде раньше Шэнь Фана.

Усевшись напротив, Шэнь Фан посмотрел на то, как парень отчаянно сдерживается, вылитый маленький прожорливый котёнок, которого только что угостили лакомством, но тот всё ещё опасается подойти близко.

Тогда он разрешил:

— Ешь давай, у меня дома церемонии ни к чему.

— Спасибо, дядя.

Больше не церемонясь, Шэнь Цинчи подхватил палочками порцию лапши, подул на неё и отправил в рот.

Стоило ему сделать пару жевательных движений, как щеки и мочки ушей вспыхнули огнем — он не выдержал, высунул язык и принялся обмахивать лицо рукой:

— Острая!

Словно заранее предвидя такую реакцию, Шэнь Фан криво усмехнулся с изрядной долей вредности:

— Сам же заказал кисло-острую лапшу, чего ж тебе не быть ей острой? Ешь до конца, продукты не переводить.

— ...Такой острой лапши я ещё никогда не пробовал, — обиженно протянул Шэнь Цинчи, косясь на него. — Дядя, ты что, нарочно?

— С чего бы мне делать это нарочно? Я же просто спросил: вкусно или нет?

Первая волна жгучей остроты схлынула, и Шэнь Цинчи с нетерпением закинул в рот вторую порцию. Язык, судя по всему, привык и больше не казался обожжённым донельзя, а во рту начали раскрываться куда более богатые оттенки вкуса.

Страдая и наслаждаясь одновременно, Шэнь Цинчи закивал:

— Вкусно!

— Раз вкусно — ешь, — улыбнулся Шэнь Фан. — Не ожидал, что ты любишь острое. Ты и алкоголь тоже жалуешь?

Кончик палочки Шэнь Цинчи замер в воздухе.

Вообще-то, любителем острой пищи его назвать было трудно. Просто из-за слабого желудка любая острая еда отзывалась у него жуткой болью, так что в походах с соседями по комнате в заведения с хого ему приходилось заказывать котёл «инь-ян» и довольствоваться пресным бульоном. Из-за этого запрета он испытывал непреодолимую тягу к острому. Получив чужое тело, он просто потерял над собой контроль.

Только вот... любил ли острое прежний хозяин? Об этом Шэнь Цинчи понятия не имел — в тексте романа предпочтения персонажа никогда не оговаривались. Из чего следовало, что «Шэнь Цинчи» изначально служил самым заурядным пушечным мясом.

Помолчав секунду, Шэнь Цинчи ответил:

— Просто давно не ел, захотелось... Алкоголь я не люблю, в прошлый раз вышло случайно.

Шэнь Фан протянул «а», похоже, не слишком удивившись такому ответу:

— На выпивоху ты и вправду не похож. На семейном ужине подавали сплошь неострые блюда, я и подумал, что в вашей семье никто не жалует специй.

— ...Это Чжоу Ванъянь не любит острое, — опустил ресницы Шэнь Цинчи. — Банкет

устраивали в его честь, разумеется, подгоняли под его вкусы. А я так, человек десятый.

С каждым словом его голос становился всё тише, интонации приобретали едва уловимый плаксивый оттенок, а на миловидном лице проступала неподдельная тоска.

Уловив обиду парня, Шэнь Фан едва слышно вздохнул. Подумалось: всё-таки Шэнь Цинчи ещё ребёнок, после всего пережитого снаружи он дерзкий и стойкий, но в душе всё равно ранен.

Припомнив собственную недавнюю подозрительность, он испытал лёгкий укол совести и мягко успокоил его:

— Ладно, выбрось эту дурь из головы. Захочешь чего-нибудь вкусного — говори мне, не станут они готовить, я приготовлю.

Услышав это, Шэнь Цинчи снова поднял голову. Мрачное выражение слетело с его лица, а в глазах вновь вспыхнул живой блеск. Он радостно переспросил:

— Правда?

— Разумеется, я же не твой лживый отец. Сказал — сделаю. Ешь давай.

Оба молча уплетали лапшу. Шэнь Цинчи то и дело тяжело вздыхал от жгучести специй, его щёки и мочки ушей порозовели, а губы слегка припухли и покраснели. Выглядел он донельзя жалостливо, словно над ним только что жестоко поиздевались.

Посмотрев на него лишнюю пару секунд, Шэнь Фан с трудом отвёл взгляд. В памяти всплыл момент с банкета, когда захмелевший Шэнь Цинчи покидал зал — точно таким же раскрасневшимся, пьяненьким и хрупким, казалось, дунь — и он рухнет прямо в объятия, податливый для любых манипуляций.

Теперь он окончательно уверовал, что попытка Чжоу Ванъяня вломиться в комнату Шэнь Цинчи действительно преследовала грязные цели.

Шэнь Фан кашлянул, выгоняя из головы ненужные мысли:

— Неужели и впрямь настолько остро?

Шэнь Цинчи поднял на него полные слёз глаза:

— Это самая острая лапша в моей жизни.

— Кто просил заказывать, раз есть не умеешь? — поднимаясь из-за стола, Шэнь Фан направился на кухню и вернулся с картонной пачкой молока. — На, выпей, сбей остроту.

Словно хватаясь за спасательную соломинку, Шэнь Цинчи поспешно взял пакет:

— Спасибо.

Конечно, обычное магазинное молоко со сроком годности в девять месяцев не могло сравниться по вкусу со свежим трёхдневным, но за неимением лучшего сойдёт и такое. Осушив пачку в один присест, Шэнь Цинчи почувствовал себя чуточку лучше.

То, как он смиренно посасывал через трубочку молоко, выглядело донельзя очаровательно. Шэнь Фан усилием воли заставил себя не смотреть на него и бросил:

— Да, ночевать будешь в той же комнате, что и вчера.

Шэнь Цинчи кивнул:

— Хорошо.

Шэнь Фан замялся, словно собирался что-то добавить, и только через долгую паузу выдавил:

— И ещё... свои вещи держи в порядке, нечего раскидывать их где попало.

— А? — озадаченно моргнул Шэнь Цинчи. — Я что-то забыл? ...Может, зарядку?

— Только зарядку?

Шэнь Цинчи напряг мозг:

— Больше... вроде бы ничего.

Шэнь Фан ожидал, что тот сам догадается, но, не дождавшись продолжения и чувствуя, что озвучить вслух язык не поворачивается, был вынужден сказать:

— В общем, будь внимательнее, лишним не будет.

Шэнь Цинчи послушно закивал:

— Понял.

А про себя подумал: не ниже же бельё, в самом деле.

Которое он, между прочим, оставил там намеренно.

Изначально расчёт строился на том, что такую интимную вещь Шэнь Фан не выбросит просто так, но и отправлять ему тоже не станет, а значит, появится отличный повод вернуться и забрать её лично.

Однако судя по этой замаявшейся реакции Шэнь Фана... неужто дядя отродясь не видел чужого белья?

Похоже, он ненароком узнал прелюбопытнейшую тайну.

<http://bllate.org/book/21917/2277172>